



Левый поворот?

Российские левые партии
и движения
и социально-политические
взгляды рабочих

**II. СОВРЕМЕННЫЕ РОССИЙСКИЕ
РАБОЧИЕ — КТО ОНИ?**

Современные российские рабочие — кто они?

Москва
2019

Сведения об авторе

Желенин Александр Сергеевич

Последние семь лет – политический обозреватель информационного агентства «Росбалт». Закончил исторический факультет МОПИ им. Крупской в 1989 году. Кандидат политических наук.

В разные годы работал политическим и экономическим обозревателем в газетах "Россия", "Независимая газета", "Новые известия", газета "Версия", "Время-МН", журналах "Смысл", "Альтернативы", "Социализм и демократия", "Миграция-XXI век". Публиковался в "Новой газете", газете профсоюзов "Солидарность" и многих других. Примерно 1500-2000 журналистских, публицистических и научных публикаций. В 1990-92 годах выпускал газету "Левая альтернатива".

В 1999-2000 годах активно работал с независимыми профсоюзами в рабочем движении. Был практически на всех "протестных" предприятиях того времени – Выборгском целлюлозно-бумажном комбинате (Ленинградская обл.), Березовском угольном разрезе (Кузбасс), Новокузнецком металлургическом комбинате, Ясногорском машиностроительном заводе (Тульская обл.) В 2010 году проводил независимое расследование причин взрыва на шахте Распадская в Междуреченске (Кузбасс), повлекшем гибель больше 100 горняков.

Редактор - Екатерина Сокирянская

СОВРЕМЕННЫЕ РОССИЙСКИЕ РАБОЧИЕ — КТО ОНИ?

Содержание

Краткое содержание	4
I. Введение	6
II. Методология исследования	8
Целевая группа, гендерные и возрастные показатели опрошенных	8
III. Социальная самоидентификация рабочих	11
«Рабочий» или «сотрудник»?	11
Рабочие и средний класс — два в одном?	12
Жизненные перспективы детей рабочих	13
Отношение к профсоюзам и социально-трудовая активность	14
Отношение к забастовкам как методу борьбы за свои права.....	14
Выводы	15
IV. Общественно-политические взгляды рабочих	16
Источники получения рабочими общественно-политической информации	16
Отношение к выборам и пенсионной реформе	18
Отношение к политическим партиям.....	19
Социальные проблемы и функции государства	21
Отношение к внешней политике РФ, участию в военных конфликтах на Украине и в Сирии	21
Выводы	23
V. Система мировоззрения	24
Отношение к миграции	24
Отношение к религии	26
Отношение к советскому прошлому.....	27
Отношение к гендерным вопросам.....	27
Выводы	28
VI. Заключение	29

КРАТКОЕ СОДЕРЖАНИЕ

Согласно официальной статистике, численность рабочих промышленности, транспорта, сельского хозяйства, рыболовства и некоторых других отраслей составляет в России более 26 млн человек, или свыше 36 % от общего числа занятых. Несмотря на то, что российские рабочие представляют собой весьма внушительную социальную и производственную силу, они во многом остаются социологической *terrain cognita*, так как серьезные и глубинные исследования представлений рабочих о самих себе и их социальных и политических предпочтений не проводились.

В связи с этим в июле и сентябре 2018 года мы провели в двух российских городах — Калуге и Омске — небольшое качественное социологическое исследование, посвященное изучению самоидентификации и социально-политических взглядов рабочих методом фокус-групп, анкетирования и глубинных интервью. В силу ограниченного масштаба исследования (всего было опрошено 23 человека) оно не может претендовать на репрезентативность, однако, на наш взгляд, проливает свет на многие важные аспекты взглядов и мировоззрения рабочих.

В вопросе социальной самоидентификации большинство респондентов относит себя и своих коллег к категории «рабочих». Они подчеркивают свою особенность по сравнению с другими социальными группами, свою социальную значимость для производственного процесса и общества. Меньшинство при этом считает себя «сотрудниками» предприятия и склонно поддерживать современные идеи социального партнерства. Одновременно, большинство опрошенных рабочих относит себя и к среднему классу, что объясняется их образом жизни, уровнем образования и доходов, которые соответствуют представлениям о среднем классе в их регионе и в стране в целом. Однако подчиненное положение непосредственно на производстве, социальная непристигность профессии приводят к тому, что большинство рабочих продолжает сегодня относить себя к социальной группе, находящейся на одной из низших ступеней социальной лестницы.

Рабочие участвуют в забастовках и считают их легитимным способом защиты своих интересов, однако отмечают, что солидарность с рабочими других заводов крайне низка. Люди готовы идти на конфронтацию с собственником для решения проблем, касающихся их лично, но не ради общего принципа или поддержки представителей своей социальной группы.

Исследование общественно-политических взглядов рабочих показало, что опрошенные нами рабочие воспринимают политическую и социальную системы современной России как игнорирующие их и во многом действующие не в их интересах, что отражается в российском информационном поле. Рабочие, в свою очередь, не слишком доверяют основному источнику официальной информации — телевидению и придают неожиданно большое значение интернету как источнику новостей. Мы также отметили высокий уровень раздражения, накопившийся в отношении федеральной власти и «Единой России», который, возможно, особенно ярко проявился на фоне пенсионной реформы. При этом рабочие придерживаются патерналистских взглядов на роль государства в решении социальных проблем и ожидают от президента и федеральной власти повышения зарплат, создания рабочих мест, справедливого распределения доходов.

Почти половина опрошенных нами рабочих сознательно игнорирует выборы. Некоторые из них голосуют за КПРФ, «Справедливую Россию» или ЛДПР, хотя понимают, что эти партии — часть существующей системы, скорее поддерживают их интересы на уровне риторики, чем реальным делом, и серьезной оппозицией партии власти не являются.

Несистемные левые движения рабочим знакомы гораздо хуже, они плохо информированы об их деятельности. Многие считают, что эти движения сфокусированы исключительно на своей повестке, а не на интересах трудового народа, а часть из них слишком субкультурна.

Отношение рабочих к участию России в конфликтах на Украине и в Сирии в целом очень сдержанное, а то и резко отрицательное. Многие из них считают, что такие внешнеполитические действия руководство страны предпринимает не в их интересах и эти действия могут им навредить. Рабочие отнюдь не являются объектом государственной пропаганды в этом вопросе, наоборот, они понимают, что надо критически оценивать поступающую информацию и стараться ее перепроверять. Они также скептически относятся к пропаганде великодержавного патриотизма, воспринимая ее как своеобразный «опиум для народа», призванный отвлечь трудящихся от реальных проблем.

Взгляды рабочих на ряд социальных, политических и культурных вопросов в большинстве случаев можно охарактеризовать скорее как леводемократические, нежели консервативные и охранительные. Так, уровень мигрантофобии среди опрошенных нами рабочих ниже, нежели в среднем по стране, что объясняется тем, что рабочие ближе и чаще сталкиваются в рабочими-мигрантами, а также меньшим давлением на их взгляды официального информационного поля. Рабочие, с которыми мы общались, вне зависимости от того, верят ли они в бога, хотят видеть государство светским, а РПЦ — более скромной в своих мирских запросах и менее политизированной. Взгляды рабочих на отношения полов, место женщины в жизни семьи, общества и государства в целом достаточно демократичны. По своему мировоззрению рабочие даже ближе к классическим левым, чем значительная часть современных левых партий и движений России, проанализированных в первой части доклада.

Исследование выявило ситуацию «брошенности» рабочих. Идеология и политика власти их в значительной степени не устраивает, но и среди оппозиции, как парламентской, так и несистемной, нет партий или движений, которые выражали бы их интересы и пользовались бы их доверием. Представители левых организаций и российские рабочие, живя в одной стране, в значительной степени существуют в параллельных, мало пересекающихся между собой реальностях.

На сегодняшний день растущая актуальность левой повестки в стране не трансформируется в ощутимую поддержку существующих левых сил. Поэтому в ближайшее время ожидать серьезного левого поворота в России не следует. Скорее растущее, но неартикулированное недовольство создает благодатную почву для популизма, играющего на социальной повестке.

I. ВВЕДЕНИЕ

Согласно официальной статистике, в России численность квалифицированных рабочих промышленности, строительства, транспорта и рабочих родственных занятий, а также операторов производственных установок и машин, сборщиков и водителей на 2018 год составляла в общей сложности 18 млн 705 тыс. человек или почти 26 % от общего числа занятых (72 млн 142 тыс. человек) в стране¹. Вместе с неквалифицированными городскими рабочими (около 6 млн человек) — их количество возрастает до 24 млн 680 тыс. (34,2 % от общего числа занятых)².

Если к цифре 24 млн 680 тыс. добавить 1 млн 766 тыс. рабочих сельского хозяйства, рыбоводства и рыболовства, то получим 26 млн 446 тыс. городских и сельских рабочих (36,65 % от общего числа занятых).

Отметим, что сюда не вошли рабочие, занятые в торговле и сфере услуг, но и без них можно говорить о том, что сегодня рабочие составляют около 40 % занятого населения России и в численном отношении представляют собой самую многочисленную социальную группу и весьма внушительную социальную и производственную силу. Несмотря на этот факт, серьезные и глубинные социологические исследования рабочей страты в течение последних 27 лет в Российской Федерации практически не проводились.

По этой причине рабочие современной РФ оказались некоей социологической *terra incognita*. Об их жизни, самовосприятии, мировоззрении и, в особенности, об их политических предпочтениях, за последние почти 30 лет практически нет достоверных данных.

Все это время политика федеральной власти сводилась к тому, чтобы максимально препятствовать осознанию рабочими собственной политической значимости. В частности, федеральный закон «О политических партиях» прямо запрещает создание партии по профессиональному признаку³. В связи с этим в числе 71 зарегистрированной Минюстом РФ партий нет ни одной имеющей в своем названии слово «рабочая». С этой же целью в России вплоть до недавнего времени действовал запрет на политическую агитацию на промышленных предприятиях для любых политических партий⁴. Исключение фактически делается лишь для правящей «Единой России», о чем, в частности, в интервью автору рассказывали некоторые из омских рабочих.

В то же время в информационном пространстве РФ, прежде всего на российских телеканалах и в российском сегменте интернета, последовательно создается ощущение того, что рабочие являются опорой действующей власти и особенно президента РФ. Ни подтвердить, ни опровергнуть этот тезис было невозможно ввиду, как было сказано выше, отсутствия достоверных социологических данных.

В связи с этим тем, кто интересовался реальными политическими взглядами современных российских рабочих, приходилось доверять российским телеканалам, убеждающим телеаудиторию в готовности рабочих в любой момент защитить Владимира Путина, как это было, например, в 2012 году, в момент массовых манифестаций оппозиции в Москве. Тогда все российские телеканалы обошел сюжет с Путиным, приехавшим на оборонный Уралвагонзавод (УВЗ). В сюжете рабочие этого предприятия выразили поддержку Путину и обещали в случае необходимости приехать в столицу, чтобы и там поддержать президента. На самом деле при внимательном просмотре даже этих сюжетов было видно, что от лица рабочих с президентом говорил не рабочий, а крупный менеджер — начальник одного из цехов УВЗ Игорь Холманских, сделавший после этого головокружительную политическую карьеру: он был назначен представителем президента в Уральском федеральном округе⁵.

Между тем альтернативные источники информации о том, кого же на самом деле поддерживают рабочие, также были отрывочными и неподтвержденными. В частности, некоторые

¹ Статистический сборник «Рабочая сила, занятость и безработица в России», Росстат, М. 2018, стр. 71.

² Там же.

³ http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_32459/44c2a6e6715de265e1b3fbc0c1fc58f30cb9f378/

⁴ http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_37119/afb5baa7a0097b9bec028564c403b579d3ad5a77/

Запрет на политическую агитацию на промышленных предприятиях фактически содержался в пунктах 4 и 5 (подпункты «б» и «ж») закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации», принятого в 2002 году. В 2016 году к статье 53 этого закона (пункт 6) была принята поправка, согласно которой агитационная деятельность избирательных объединений и отдельных кандидатов в помещениях предприятий была разрешена на условиях договора аренды.

⁵ <https://www.kommersant.ru/doc/3682243>

представители КПРФ одно время уверяли, что реальная поддержка рабочими действующей власти сильно преувеличена. Однако проверить эту информацию было невозможно, поскольку подобные утверждения представителей КПРФ опирались на голословные утверждения или на абстрактные «наши сведения» на некоторых предприятиях.

В свою очередь, данные профсоюзов, как официальных (Федерация независимых профсоюзов России (ФНПР) — наследница старого объединения советских профсоюзов — ВЦСПС), так и «новых» альтернативных (например, входящих в Конфедерацию труда России, КТР) о положении современного рабочих в РФ, в основном относятся к трудовым отношениям, уровню заработной платы, но никак не к их самоидентификации и, уж тем более, не к их политическим взглядам и предпочтениям.

Существующие социологические исследования рабочих в России локальны (как, скажем, исследование лояльности и удовлетворенности рабочих, проведенное на примере работников цеха одного из предприятий Ростова-на-Дону), либо относятся к вопросам занятости и/или условий труда⁶; исследовались также трудовые отношения, культура труда и мотивация работников к труду, этнография рабочей повседневности⁷.

Однако нам неизвестно ни об одном современном исследовании, которое бы ставило задачу изучения представлений рабочих о самих себе как об определенном социальном слое, а также задачу изучения их социальных и политических предпочтений.

В связи с этим в июле и сентябре 2018 года в двух российских городах мы провели небольшое качественное социологическое исследование, посвященное изучению самоидентификации современных рабочих, их взглядов на свое социальное положение в современном обществе и место в общественном производстве, их анализу социально-политической ситуации в стране и политических предпочтениях. В силу ограниченного масштаба исследования оно не может претендовать на репрезентативность, однако, на наш взгляд, проливает свет на многие важные аспекты взглядов и мировоззрения рабочих.

⁶ «Вторичная занятость и ее социальные последствия» (<http://ecsocman.hse.ru/text/16975755/>). <https://www.science-education.ru/article/view?id=13970>

⁷ Трудовые отношения на новом частном предприятии. Отв. ред. А.Л. Темницкий. М.: Изд-во Института социологии РАН. 2000. Гинчук О. Этнография рабочего места: Год на заводе // Открытый форум Байкальской школы «Понять другого: зачем нужны социальные исследования?» Дом Европы; ЦНСИО—Иркутск. 2017. 9 сентября.

II. МЕТОДОЛОГИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ

Исследование проводилось методом фокус-групп, анкетирования, а также индивидуальных глубоких интервью с рабочими в Омске и Калуге.

Перед началом работы участникам фокус-групп и интервью предлагалось заполнить анкеты с простыми формальными или общими вопросами, касавшимися возраста, пола, образования, а также другими вопросами, которые затем более подробно обсуждались на фокус-группах и в глубоких интервью.

Всего было проведено 5 фокус-групп — две в Омске и три в Калуге, а также с отдельными участниками взяты глубокие интервью. В общей сложности в ходе исследования было опрошено 23 человека (12 человек в Омске и 11 человек в Калуге).

Выбор «поля», с одной стороны, диктовался возможностью и готовностью активистов местных отделений независимых профсоюзов (в основном, входящих в КТР), оказать поддержку в организации исследования, а с другой, тем, что Омск и Калуга сегодня представляют собой два разных типа промышленных городов.

Сибирский Омск интересен тем, что, будучи одним из крупных российских городов (более 1 млн жителей), имеет структуру промышленности старого советского типа, то есть в основном представленную предприятиями ВПК и пищевой промышленности.

Калуга — относительно небольшой и достаточно типичный областной центр европейской части России. Для данного исследования этот город интересен тем, что в последние 10–11 лет здесь благодаря усилиям региональных властей был создан значительный кластер современной автомобильной промышленности мирового уровня с новыми технологиями и более современной организацией труда. В Калуге представлены крупнейшие мировые производители автомобилей и их комплектующих (например, Volvo, Volkswagen и некоторые другие).

По мнению некоторых представителей Конфедерации труда России, взгляды и установки трудящихся, работающих на старых советских производствах и на новых современных предприятиях, достаточно сильно различаются. Так, если для работников старых советских производств более характерны патерналистские настроения по отношению к работодателю, то на современных предприятиях работники более независимы и больше уповают либо на партнерские отношения с начальством, представляющие собой заключение индивидуальных или коллективных договоров, либо на помощь профсоюза.

Отношение к профсоюзу также весьма различно. На «советских» предприятиях профсоюз воспринимается рабочими в большей степени как часть общезаводского руководства, его социальный отдел. На предприятиях современной промышленности с иностранным капиталом профсоюз в большей степени воспринимается рабочими в его изначальном смысле, а именно как объединение самих рабочих для защиты своих трудовых прав.

Соответственно, в исследовании в Калуге принимали участие рабочие нового сегмента современной промышленности. В свою очередь в Омске в работе фокус-групп и в индивидуальных интервью принимали участие по преимуществу работники пищевой промышленности и старых советских предприятий.

Таким образом, в Омске и Калуге, помимо прочего, также представилась возможность сравнить взгляды рабочих, условно, старой советской и новой современной промышленности.

ЦЕЛЕВАЯ ГРУППА, ГЕНДЕРНЫЕ И ВОЗРАСТНЫЕ ПОКАЗАТЕЛИ ОПРОШЕННЫХ

Целевая группа проведенного исследования — рабочие. Абсолютное большинство из них — это те, кто сейчас непосредственно работает рабочим на том или ином промышленном предприятии. Несколько человек из респондентов — либо временные (не более 1–2 месяцев) безработные, но до этого большую часть взрослой жизни проработавшие рабочими, либо работающие

сейчас по разовым заказам или вахтовым методом, как например, сварщик Петр из Омска, с которым было записано отдельное интервью. До недавнего времени он много лет работал на химическом предприятии также сварщиком.

Из 23 человек, принявших участие в исследовании в Омске и Калуге, 16 человек — мужчины, 7 человек — женщины. Из 23 человек трое указали свой возраст от 50 до 60 лет. Возраст остальных 20 респондентов, участвовавших в работе фокус-групп и дававших интервью в обоих городах, колебался в диапазоне от 20 до 47 лет.

В Омске из 12 человек, принявших участие в исследовании, 4 имеют высшее или незаконченное высшее образование, остальные среднее, средне-специальное (технические училища) или среднетехническое (технические колледжи) образование. Из 11 опрошенных рабочих в Калуге высшее или неоконченное высшее образование имеют 3 респондентов. Еще 7 человек имеют средне-техническое или средне-специальное (профессиональное) образование и лишь один человек — неполное среднее.

Характерно, однако, что мужчина из Калуги (Анатолий), который имеет неполное среднее образование, и по своему внешнему виду (интеллектуал в очках), и по своей развитой речи, и по хобби (музыка и организация некоммерческих музыкальных фестивалей) производит впечатление скорее местного интеллигента, чем рабочего, хотя его рабочий стаж, по его словам, более 11 лет.

Анатолий, как и некоторые другие респонденты, отмечал, что «пошел в рабочие, потому что так сложилась жизнь, надо было зарабатывать», а более или менее приличную зарплату можно получать, лишь трудясь на производстве.

В целом, нужно констатировать, что уровень образования респондентов оказался достаточно высок. Если исходить из формального признака, то 7 из 23 опрошенных участников исследований в Омске и Калуге (то есть почти треть) имеют высшее или неполное высшее образование. Характерно, что некоторые респонденты (например, Сергей, шлифовщик с оборонного завода в Омске) указывали, что высшее образование среди рабочих на их предприятии — обычное дело.

Важно отметить, что большинство респондентов (17 из 23) являются либо активистами местных отделений профсоюзов, либо людьми, близкими к активистам этих профсоюзов. Только 6 человек из 23 ни в каких профсоюзах не состоят.

В то же время, по самым оптимистичным расчетам, общее число членов трех крупнейших профсоюзных ассоциаций России (Федерация независимых профсоюзов России (ФНПР)⁸, Конфедерация труда России (КТР)⁹ и СОЦПРОФ¹⁰) на сегодняшний день в сумме, вероятно, не превышает 22—23 млн человек, что составляет менее трети всего занятого населения.

То есть получается, что процент членов профсоюзов среди опрошенных в ходе нашего исследования рабочих значительно выше, чем в целом по стране. Кроме того, большинство членов профсоюзов, принявших участие в исследовании, состоят в профобъединениях, входящих в наиболее

⁸ По словам председателя ФНПР Михаила Шмакова, Федерация независимых профсоюзов насчитывает около 20 млн членов (<https://www.rbc.ru/interview/politics/29/04/2016/57234a289a7947c92a1b6268>). Это крупнейшая на сегодняшний день ассоциация профсоюзов России. ФНПР является юридической и фактической наследницей старой советской ВЦСПС (Всесоюзный центральный совет профессиональных союзов). Еще с начала 90-х годов ФНПР начала довольно тесно сотрудничать с властью. В партии власти «Единая Россия» ФНПР представлена членом комитета Госдумы по труду Андреем Исаевым, являющимся по совместительству первым заместителем руководителя фракции ЕР в Думе.

⁹ По данным официального сайта КТР, численность ее членов достигает 2 млн человек (<http://www.ktr.su/about/>). Конфедерация труда России была создана в 1995 году и долгое время после этого рассматривалась как альтернативная наследница старых советских профсоюзов — ФНПР — ассоциация профессиональных союзов. Согласно тем же данным, Конфедерация труда России является членской организацией — учредителем Международной конфедерации профсоюзов (МКП). Кроме того, КТР активно участвует в работе Всеевропейского регионального совета (ВЕРС) МКП и Балтийской профсоюзной сети (BASTUN). Входящие в КТР профсоюзы являются членскими организациями Международной федерации транспортных рабочих (ITF), Глобального союза IndustriAll, Глобального союза UNI, Международного союза работников пищевой и табачной промышленности, сельского хозяйства, ресторанного и гостиничного обслуживания, общественного питания и смежных отраслей (IUF), а также других международных отраслевых организаций. Лидер — Борис Кравченко.

В Госдуме КТР представлена депутатом от «Справедливой России», заместителем руководителя фракции СР Олегом Шениным, являющимся вице-президентом КТР.

¹⁰ По данным Википедии, число членов СОЦПРОФ «сотни тысяч» (<http://ru-wiki.org/wiki/%D0%A1%D0%BE%D1%86%D0%BF%D1%80%D0%BE%D1%84>). Более точных цифр численности его членов на официальном сайте СОЦПРОФ не указано. СОЦПРОФ является старейшим из профсоюзных объединений постсоветской России. Оно было создано в 1989 году, еще во времена позднего СССР. Однако после того, как в 2008 году один из основателей СОЦПРОФ Сергей Храмов отошел от дел в этом профсоюзе, а его председателем стал член «Единой России» Сергей Вострецов, СОЦПРОФ занял однозначно пропрезидентские позиции. Это единственное объединение профсоюзов России, которое, например, поддержало повышение пенсионного возраста в стране в 2018 году.

независимую от властей КТР (например, в такие профсоюзы, как МПРА и Новопроф). Можно расценивать этот момент как факт, который определенным образом искажает результаты исследования в целом, поскольку в большинстве своем в нем приняли участие социально активные рабочие.

Однако нужно учитывать, что и обычный социологический опрос в современной России предполагает похожий отбор участников — на вопросы социологов по общественно-политическим вопросам готовы отвечать в основном социально активные граждане.

В то же время важно отметить политическую неангажированность участников исследования, поскольку из 23 респондентов лишь один сообщил, что является членом какой-то политической организации (в данном случае речь идет о рабочем из Калуги Антоне, являющемся, по его словам, членом небольшой левой организации). Остальные 22 человека на момент проведения исследования в политических партиях и движениях не состояли.

III. СОЦИАЛЬНАЯ САМОИДЕНТИФИКАЦИЯ РАБОЧИХ

Один из основных вопросов, предложенных для обсуждения на фокус-группах, а также задававшийся во время глубинных интервью, был вопрос о собственной социальной идентификации рабочих.

Изначальная гипотеза состояла в том, что современный российский работник физического труда ассоциирует скорее себя со средним классом, чем с классическим рабочим индустриальной эпохи, что выражается и в определенной терминологии, которую он употребляет, определяя свой социальный статус.

Эта гипотеза строилась на некоторых данных, в частности, исходивших от представителей новых профсоюзов, активно работающих с рабочими иностранных автомобильных компаний, имеющих свои филиалы в России, в частности, в Калужской и Ленинградской областях. По утверждению некоторых профсоюзных активистов, рабочие этих современных предприятий, в отличие от пролетариев советской эпохи, предпочитают называть себя не «рабочими», а «сотрудниками» компании. Однако по итогам данного исследования эта гипотеза в основном не нашла подтверждения.

«РАБОЧИЙ» ИЛИ «СОТРУДНИК»?

Абсолютное большинство из опрошенных и в Омске, и в Калуге, как в анкетах, так и в ходе дискуссий на фокус-группах и в личных интервью, по-прежнему уверенно позиционируют себя именно как «рабочие».

В Калуге только 4 человека из 11 опрошенных отнесли себя к категории «сотрудник». Остальные 7 человек продолжают считать себя рабочими.

В Омске из 12 опрошенных одна из женщин отнесла себя к категории «сотрудников», другой респондент сказал, что «не особо» чувствует разницу между собой и офисными служащими.

Таким образом, из 23 опрошенных в обоих городах 17 человек (около 74 %) уверенно относят себя к категории «рабочий». И лишь 6 (26 %) человек считают себя «сотрудниками».

Характерно, что к рабочим относят себя не только люди старших возрастных категорий (50–60 лет), но и те, чья трудовая биография началась и развивалась уже в постсоветскую эпоху.

Причем характерно, что абсолютное большинство (четверо из пяти) из тех, кто называли себя «сотрудниками», работают в Калуге на современных иностранных предприятиях (трое на «Фольксвагене», и еще один на французском заводе – «Форесия»). Последний молодой человек работает сварщиком, имеет высшее образование и происходит из интеллигентной семьи. По его словам, главное в нем не то, кем он сейчас работает («работу можно сменить»), а то, что он – «личность».

Для троих (все трое работают на «Фольксвагене») из пяти человек, считающих себя «сотрудниками», характерны следующие высказывания: *«Мы все (сотрудники предприятия) равны, у нас одна цель».*

Молодые работницы калужского «Фольксвагена» **Марина** (29 лет, высшее образование, работает на линии покраски автомобилей, стаж работы на предприятии 8 лет) и **Наталья** (около года на «Фольксвагене», среднее образование) как раз относятся к тем респондентам, которые считают себя «сотрудниками» предприятия. По мнению Натальи, слово «рабочие» также скорее принадлежит прошлому, *«сегодня мало кто называет себя рабочим, это все в прошлом».* В то же время, по их словам, это такие своеобразные «сотрудники», которые не средний класс, а «низшие».

«Нам часто дают понять, что мы и директор, и другие сотрудники – не одно и то же... Разделение есть», – подчеркнула Марина.

Это разделение на «рабочих» и «офисных» часто является результатом определенного отношения менеджмента к рабочим. Оно вызывает у последних раздражение, в силу того что, как сказал участник одной из фокус-групп в Омске, шлифовщик Сергей, по уровню зарплаты и образования рабочие часто превосходят сотрудников офисов, но те все равно относятся к ним как к низшей категории.

Так, зарплаты рабочих в Омске в основном колеблются в диапазоне 20—30 тыс. рублей в месяц, но на некоторых, (в основном оборонных) предприятиях заработные платы могут достигать и до 70—80 тыс. рублей в месяц. В этом случае, впрочем, вероятнее всего, речь идет о так называемой рабочей аристократии. По словам того же Сергея, эти высокооплачиваемые рабочие места «передаются по наследству». Кроме того, чтобы получать такую зарплату, говорит он, надо практически «жить на предприятии», работая по 12 часов в день при одном выходном в неделю. Далеко не все, особенно среди молодых, готовы к этому.

В то же время зарплата сотрудников офиса того же предприятия может составлять всего 20 тыс. рублей в месяц, но последние держат себя с рабочими, «как будто они нас выше».

Работница «Фольксвагена» **Марина** считает, что «мы позволяем к себе так относиться, хотя на сотрудниках на линии завод держится».

Свое место в производственном процессе Марина иллюстрирует случаем, «когда никого из руководителей не было, но линия “ехала” (работала) без проблем. Не будет сотрудников линии – не будет (выполнения) плана».

Ее коллега **Святослав** считает, что «рабочие были, есть и будут. Без рабочих ничего не делается ни в нашей стране, ни в мире, но в данный момент это не популярный термин». При этом, по его мнению, «да, мы одна команда, сотрудники, но мы команда рабочих, а менеджмент, начальство – не наша команда. У них свои интересы, у нас – свои. У них интерес заработать денег для себя, а у нас – для себя. Поэтому у нас получается какая-то конфронтация: чем больше заработают денег они, тем меньше – мы».

Отношение к своей профессии у рабочих разное.

Татьяна (35 лет, высшее образование, рабочая небольшой пекарни в Омске) говорит, что «рабочий – это престижно. Я горжусь, что я – рабочая». А водитель погрузчика с калужского «Фольксвагена» **Владислав** сказал, что положение рабочего, «хоть и в смягченной форме», но до сих пор соответствует изначальному значению этого слова – «раб». Говоря о престижности или непрестижности рабочей профессии, **Вадим** (23 года, временно безработный, до недавнего времени работал на кондитерской фабрике «Сладонез» в Омске машинистом смесительных машин) утверждает, что рабочим быть сегодня стыдно, а «престижно быть олигархом, воровать, ездить на мерседесе за 10 миллионов».

Таким образом, мы видим, что термин «сотрудники» для части опрошенных респондентов просто заменил в их представлении термин «рабочие». Однако при этом их разделение мира на «мы – рабочие» и «они – менеджмент, директор, хозяева» осталось прежним, классовым. Тема социальной несправедливости отношения к рабочим неоднократно возникала сама собой и обсуждалась очень эмоционально. Не раз звучали утверждения, что «все зависит от нас», но «к нам относятся как к низшим».

РАБОЧИЕ И СРЕДНИЙ КЛАСС — ДВА В ОДНОМ?

Практически на всех фокус-группах, отвечая на вопрос, относят ли респонденты себя к рабочим или среднему классу, собравшиеся поднимали вопрос о критериях. При этом при перечислении таких критериев, как уровень зарплаты, наличие ипотеки, машины, практически все респонденты относили себя к среднему классу.

Татьяна: «Я не считаю себя нищей. И богатой тоже не считаю, я средний класс».

Вадим также считает, что относится и к среднему классу. Аргументирует он это так: «Я же не на помойке живу, а в квартире. Не в своей, а с родителями, но тем не менее».

Естественно тут нужно иметь в виду, что респонденты, говоря о среднем уровне зарплат и потребления, имели в виду средний уровень даже не по России, а по своему региону и городу.

Так **Марина** получает зарплату около 40 тысяч рублей в месяц, **Наталья** – 34 тыс. рублей. Уровень в 30 тыс. рублей в месяц в целом соответствует представлению респондентов о среднем уровне зарплаты в Калуге. Работники «Фольксвагена» получают зарплату, несколько превышающую средний уровень по городу и, тем более, по области.

Среди рабочих, особенно на калужском «Фольксвагене», обычным делом является покупка квартиры по ипотеке или машины (как правило, иномарки) в кредит.

Еще один признак среднего класса — способ проведения отпуска, частота путешествий, в том числе, за границу.

Большинство рабочих «Фольксвагена» ездит в отпуск к Черному морю, хотя обычно и ненадолго — на 8–10 дней.

Водитель погрузчика Владислав рассказал, что так он провел недавно отпуск с женой и ребенком. Для экономии средств ездили на своем автомобиле и снимали жилье в одной из станиц на Черноморском побережье Краснодарского края. Жили там 8 дней.

Абсолютное большинство калужан (10 из 11 опрошенных человек) один или несколько раз бывали за границей. В Омске этот показатель принадлежности к среднему классу значительно ниже. Отчасти в силу географических причин — поехать отдохнуть на Черное море, а тем более за границу (не считая соседнего Казахстана, куда некоторые омичи иногда выезжают на отдых), отсюда получается в несколько раз дороже, чем из Калуги, отчасти из-за более низких зарплат в Омске.

Квалифицированный рабочий-шлифовщик из Омска, работающий на предприятии тяжелой промышленности, *Сергей* говорит, что последний раз был на Черном море с женой (также всего несколько дней) несколько лет назад. Для экономии средств они трое суток ехали в одну сторону и столько же в другую в поезде в плацкартном вагоне. Другие рабочие в Омске говорили, что мечтают увидеть море, которое не видели никогда или только в далеком детстве.

В то же время поездки за границу и к Черному морю сотрудников калужского «Фольксвагена» объясняются не только несколько более высокой зарплатой и географическим положением Калуги, но и политикой руководства завода. На «Фольксвагене» регулярно практикуются командировки рабочих на европейские предприятия компании.

Поездки в отпуск к морю или за границу в обоих городах также зависят от наличия или отсутствия у человека ипотечного кредита. Как сказал сварщик с калужского «Фольксвагена» *Володя*: «Приходится выбирать — или ипотека или (связанный с поездками) отпуск».

Таким образом, рабочие по уровню доходов, образования и образа жизни ощущают себя и являются частью среднего класса, однако одновременно особой профессиональной группой «рабочих» со своими специфическими производственными проблемами.

ЖИЗНЕННЫЕ ПЕРСПЕКТИВЫ ДЕТЕЙ РАБОЧИХ

В процессе исследования самоидентификации и социальных возможностей рабочих нам было важно понять, как наши респонденты оценивают жизненные перспективы своих детей. Один из самых «эмоциональных» вопросов — о жизненных возможностях детей рабочих. Практически все респонденты в обоих городах реагировали на него весьма остро и отрицательно. Общим мнением практически всех опрошенных по этому вопросу стало то, что у детей рабочих и представителей высших слоев общества совсем не одинаковые условия развития и шансы на успех в жизни.

Характерные высказывания по этой теме в Омске.

Игорь (25 лет): «Богатые и бедные дети отделяются. Богатые дети учатся за границей либо в крутых частных школах. Получается, что богатые дети учатся в богатых школах, а бедные учатся в бедных бюджетных учреждениях».

Михаил (55 лет): «Различие (между детьми) даже в том, что (богатых) папа с мамой привозят в школу на машине».

Анна (26 лет): «Да, сейчас детей с самого детства учат: у нас есть деньги (поэтому) ты с этим (бедным) не дружи — у него нет денег».

Сергей (35 лет): «Богатые могут позволить (для своих детей) дополнительное образование, репетиторов, спортивные секции. Насколько я знаю, чтобы купить спортивную форму (хоккейную) нужно около 40 тысяч рублей — не каждый может себе это позволить. Они (богатые) могут позволить себе платное обучение своего ребенка в институте, потратить на него столько денег, чтобы его прямо напищкали знаниями. Мы можем позволить себе (такие) школы, институты, секции?»

ОТНОШЕНИЕ К ПРОФСОЮЗАМ И СОЦИАЛЬНО-ТРУДОВАЯ АКТИВНОСТЬ

Отношение рабочих к профсоюзам варьирует в зависимости от их личной социальной активности и наличия на предприятии активного профсоюза нового типа, такого, например, как Межрегиональный профсоюз рабочая ассоциация (МПРА) или Новопроф (оба входят в состав Конфедерации труда России (КТР), второго по численности профсоюзного объединения страны).

Члены этих профсоюзов очень высоко оценивают свои профорганизации. Не случайно численность членов МПРА на «Фольксвагене» в Калуге втрое превышает численность «традиционного» профсоюза, входящего в состав ФНПР. Причем, по словам респондентов, у последнего на заводе скорее «списочный», то есть бумажный, состав. Люди подали туда заявление о вступлении, но фактически никакой деятельности не ведут.

Один из участников фокус-группы в Калуге, рабочий «Фольксвагена» **Владислав**, член МПРА, говорит: *«Мы пытаемся донести (до коллег), что профсоюз это не какой-то дядя, который сидит в кабинете, а это я, Святослав и еще много-много человек, которые и есть рабочие, которые просто собрались вместе и решают через него (профсоюз) все вопросы – и зарплату, и нагрузку и все-все».*

При этом в качестве идеала Владислав приводит в пример заводы Германии, где членами профсоюза являются, по его словам «80 % рабочих». Участники этой фокус-группы активно поддержали Владислава.

Характерно, что в Омске, где членами профсоюзов является меньше половины опрошенных, одна из респонденток – женщина-электрик – будучи членом традиционного профсоюза ФНПР, в конфликтной ситуации на своем предприятии обратилась за помощью не к своему профбоссу, а к активистам профсоюза Новопроф.

ОТНОШЕНИЕ К ЗАБАСТОВКАМ КАК МЕТОДУ БОРЬБЫ ЗА СВОИ ПРАВА

Подавляющее большинство респондентов высказывалось о забастовках в том духе, что если начальство отказывается идти навстречу рабочим, то забастовка остается единственным средством давления на него. Многие из респондентов принимали участие в тех или иных акциях. Обычно это или однодневные предупредительные забастовки, или угроза забастовки или «итальянская» забастовка, когда рабочие работают строго по правилам и должностным инструкциям. Последняя такая забастовка прошла на «Фольксвагене» за месяц до проведения исследования.

Достаточно типичным высказыванием респондентов на эту тему можно признать слова **Антон** (завод «Форесия», Калуга): *«Забастовки – зачастую единственный способ отстаивания прав рабочих».*

Сварщик из Омска **Петр** говорит по этому поводу: *«Да, я участвовал в забастовках, было. Но разочаровался. Те, кто больше всех кричал: “Не выходим, не выходим (на работу)!” – первые и вышли. Но я считаю, что забастовки нужны. Потому что, если человек (начальник) не понимает по-нормальному, то (в результате забастовки) он понесет убытки».*

В то же время, по словам практически всех респондентов, в наше время не бывает забастовок и других акций солидарности с рабочими других заводов или с людьми, несправедливо обиженными местной властью или начальством в бюджетном учреждении.

В Омске **Игорь** и **Сергей** во время фокус-группы вспомнили, что в их области довольно широко обсуждалась ситуация, когда учительница местной школы была уволена за то, что разместила в соцсети свою фотографию в купальнике. Игорь назвал действия ее начальства «глупостью», Семен вспомнил, что некоторые коллеги этой учительницы в знак солидарности с ней также стали выкладывать свои фотографии в купальниках в соцсетях. Однако, несмотря на моральную поддержку этих женщин, о каких-то более активных действиях в их поддержку никто из респондентов вспомнить не мог.

Выводы

Таким образом, в вопросе социальной самоидентификации большинство респондентов (около 74 %) относит себя и своих коллег к категории «рабочих». Они подчеркивают свою особенность по сравнению с другими социальными группами и свою социальную значимость для производственного процесса и общества. Меньшинство (26 %) при этом считает себя «сотрудниками» и склонно поддерживать современные идеи социального партнерства.

Однако при ближайшем рассмотрении выясняется, что под словом «сотрудники» и они подразумевают наемных работников, стоящих внизу социальной лестницы. В некоторых случаях респонденты готовы считать рабочими, или «сотрудниками», близких к ним по социальному положению (то есть не относящихся к категории менеджеров) офисных служащих.

Одновременно, большинство опрошенных рабочих относит себя и к среднему классу. Это объясняется их образом жизни, уровнем образования и доходов, которые соответствуют представлениям о среднем классе в их регионе и в стране в целом. Этому способствует и то, что современные постсоветские рабочие в массе своей являются в большей степени собственниками, имеют квартиры, дачи, приусадебные участки. На наиболее стабильных и благополучных предприятиях рабочие имеют и личные автомобили, и квартиры, купленные на свои деньги по ипотечному кредиту.

Эта особенность самоидентификации рабочих является результатом социально-экономической эволюции современного индустриального процесса, которая идет в направлении сближения положения рабочих и офисных сотрудников низшего звена.

Однако их статус наемных работников, подчиненное положение непосредственно на производстве, социальная непрестижность профессии приводят к тому, что большинство рабочих продолжает сегодня относить себя к социальной группе, находящейся на одной из низших ступеней социальной лестницы. Последний момент является для них фактором сильного социального раздражения и недовольства.

Рабочие участвуют в забастовках и считают их легитимным способом воздействия на работодателя, однако отмечают, что солидарность с рабочими других заводов крайне низка. Люди готовы идти на конфронтацию с собственником для решения проблем, касающихся их лично, но не ради общего принципа или поддержки представителей своей социальной группы.

IV. ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ВЗГЛЯДЫ РАБОЧИХ

Источники получения рабочими общественно-политической информации

Все социологические опросы, проводимые как официальными центрами изучения общественного мнения (Всероссийский центр изучения общественного мнения, ВЦИОМ), так и независимыми организациями (Левада-Центр), показывают, что абсолютное большинство россиян включено в информационное поле РФ. Причем прежде всего посредством телевидения.

Так, социологический опрос, проведенный в марте 2018 года Левада-Центром, показал, что для 85 % россиян основным источником общественно-политической информации до сих пор остается телевидение. Их выбор в основном падает на контролируемые властью крупнейшие федеральные каналы – «Первый канал» (72 %), «Россия-1» (57 %), НТВ (44 %), Россия-24 (38 %) ¹¹.

Такая ситуация сохраняется уже несколько лет, даже несмотря на то что, по данным ВЦИОМ за сентябрь 2018 года, около 80 % россиян пользуются интернетом, а 63 % жителей России пользуются им «практически ежедневно» ¹².

По этой причине вопрос, насколько рабочие интегрированы в общероссийское информационное пространство и как формируют свое представление об общественно-политической ситуации в стране, представляет существенный интерес. Вопрос об источниках информации задавался во время всех фокус-групп и индивидуальных интервью.

Важно отметить, что практически все участники исследования основным источником общественной информации называли интернет. При том что вопрос всегда строился таким образом, что на первом месте в нем значилось телевидение, газеты и другие источники, а интернет как источник информации назывался одним из последних. Например: «*Какие источники получения общественно-политической информации вы используете: Телевидение? Газеты? Книги? Интернет? Родные, друзья, знакомые?*»

В Омске типичные ответы на эти вопросы были следующие:

Игорь (25 лет, 5 лет работал на кондитерской фабрике, два месяца как освобожденный работник профсоюза): «*Круг общения и интернет*».

Анна (около 25 лет, работница кондитерской фабрики): «*Интернет и телевидение. Когда есть возможность, телевизор тоже смотрю*».

Михаил (рабочий-грузчик предпенсионного возраста): «*Я телевизор, этот зомбоящик, вообще не смотрю, интернетом пока еще можно пользоваться, пользуюсь, но отключил телефон*».

Сергей (35 лет, высококвалифицированный рабочий-шлифовщик): «*Интернет, знакомые*».

Антонина (36 лет, работает специалистом в сфере снабжения на предприятии космической отрасли, по ее словам, что-то среднее между инженерной и рабочей профессией): «*На работе, круг общения*».

Зинаида, рабочая-электрик на химическом заводе, в интервью сказала, что по ее мнению, «*последние полгода телевидение себя совсем дискредитировало, там одни шоу*». Информацию по общественно-политическим темам получает из интернета.

Таким образом в Омске телевидение в нейтральном ключе как один из источников информации перечислили только 3 из 12 респондентов. Остальные 9 используют либо интернет, либо круг знакомых.

¹¹ <https://www.levada.ru/2018/04/18/informatsionnye-istochniki/>

¹² https://wciom.ru/news/ratings/polzovanie_internetom/

В Калуге ответы были такие:

Володя (около 30 лет, рабочий «Фольксвагена», сварщик машинно-контактной сварки, стаж 9 лет): «Телевизор, интернет, газеты. Живем в информационном веке, поэтому к информации надо так относиться: кроме информации есть и дезинформация. Поэтому, когда я смотрю новостную передачу по телевизору и там что-то рассказывают, например, про Украину, я для себя делаю вывод только тот, что там что-то произошло, у кого-то интерес в том, чтобы что-то там (об этом) показать и вот так преподнести новость. Но я стараюсь смотреть все источники и все равно (после этого) стараюсь воспринимать информацию немного отстраненно. Я никогда не принимаю за чистую монету то, что мне говорят по телевизору, для меня новости там как сериал посмотреть – интересно, но за чистую монету не принимаю. До газет и интернета тоже грязные ручки добрались. Но разным форумам в интернете, особенно форумам инвесторов, которые зарабатывают на рынке, я доверяю гораздо больше. Плюс жизненный опыт, какие-то собственные базовые знания. Сейчас нельзя всему слепо верить».

Геннадий (около 30 лет, сварщик на «Фольксваген», стаж 11 лет): «Из интернета. Телевидению, всем федеральным каналам не верю, там все показывают красиво, радужно, что все, и бабушки (тоже) счастливые, у всех пенсия хорошая и так далее. Если телевизор посмотреть, то только РЕН-ТВ, там весело, всякие загадки человечества... Но интернет тоже надо фильтровать».

Владислав (около 30 лет, «Фольксваген», стаж 9 лет, водитель погрузчика): «Интернет».

Антон (29 лет, высшее образование, сварщик на французском автомобильном предприятии «Форессия»): «Интернет, социальные сети. И для информации, и для общения. Телевизора дома вообще нет».

Леонид (34 года, рабочий-электрик, сейчас работает на индивидуальных заказах, год работал в небольшой компании, Калуга): «У нас в доме нет телевизора. Мы нормальные люди, у нас все хорошо. Это (телевизор) – зомбоящик, там еще и рекламы полно. Пользуюсь интернетом в компьютере и в телефоне. Есть аккаунт в соцсети».

Марина (30 лет, работница «Фольксвагена», линии покраски автомобилей, стаж работы на предприятии 8 лет, высшее образование): «В интернете очень редко бываю, соцсети меня не очень интересуют. Телевизор если и включаю, то для фона, потому что я не верю в это всё. Больше от окружающих».

Наталья (20 лет, около года на «Фольксвагене»): «Интернет, телевидение».

В целом можно сказать, что число пользователей интернета среди опрошенных рабочих примерно соответствует общероссийским показателям.

Однако принципиально важно другое. Интернет в качестве единственного или основного источника общественно-политической информации (наряду с кругом общения и, очень дозированно, с телевидением) назвали 18 из 23 опрошенных рабочих (около 78 %). Лишь 5 человек из 23 (около 22 %) перечислили телевидение в качестве одного из источников общественно-политической информации и отозвались о нем в нейтральном ключе. При этом часть опрошенных рабочих (4 из 23) отказалась от телевизора вообще. Другие или его не смотрят, а если смотрят, то кино и развлекательные программы, или включают «для фона».

В то же время, согласно упоминавшемуся выше всероссийскому опросу Левада-центра, интернет в таком качестве используют только 27 % респондентов, а основным источником общественно-политической информации для россиян в целом остается телевидение (85 %). У участников нашего опроса, телевидение в основном вызывает либо резкое неприятие («зомбоящик»), вплоть до отказа иметь дома телевизор вообще, либо серьезное недоверие.

Естественно, сравнение результатов качественного и количественного исследования не совсем корректно. В данном случае мы можем лишь констатировать, что результаты количественного исследования Левада-центра совершенно не совпадают с данными нашего локального качественного исследования.

Это свидетельствует о серьезном уровне недоверия опрошенных рабочих к официальным СМИ. Как показало исследование, рабочие в большинстве своем стараются игнорировать информационный мейнстрим и жить по возможности параллельно ему. Это, на наш взгляд, в целом связано с нынешним социальным статусом рабочих и их внутренним самоощущением.

Политическая и социальная система современной России игнорируют рабочих, а они, в свою очередь, в значительной степени игнорируют ее и не доверяют информации официальных СМИ, что видно и на примере других вопросов, обсуждавшихся в ходе исследования.

ОТНОШЕНИЕ К ВЫБОРАМ И ПЕНСИОННОЙ РЕФОРМЕ

Одним из самых важных показателей отношения опрошенных нами рабочих к внутренней политике и политической системе России в целом, на наш взгляд, является то, что почти половина из них игнорирует выборы.

В Омске не ходят на выборы 5 из 12 опрошенных рабочих. Наиболее характерный ответ из тех, кто бойкотирует выборы, сформулировал сварщик Петр. По его словам, он не ходит голосовать «по принципиальным соображениям. Смысл? Все же все знают заранее — кто будет, что будет и как будет. Все схвачено, за все заплачено».

В Калуге не ходит голосовать больше половины опрошенных — 6 человек из 11.

Владислав (28 лет): «Я ни разу в жизни не голосовал. Но сейчас я бы пошел и проголосовал за какую-нибудь левую партию. Надо будет повнимательней почитать о них».

Геннадий (около 30 лет, сварщик): «Я всегда голосую (за «Справедливую Россию»), но выборам не доверяю. Просто не ходить на выборы, это одно и то же, что голосовать за «Единую Россию» (то есть он ходит на выборы, чтобы его голос не был украден в пользу партии власти).

Таким образом, в обоих городах выборы в общей сложности игнорируют 11 человек (почти 48 %) из 23 опрошенных респондентов. Причем все респонденты, бойкотирующие выборы в Омске и Калуге, делают это сознательно, аргументируя свою позицию тем, что «за нас все решено».

Для сравнения: на последних президентских выборах в России в марте 2018 года на избирательные участки не пришло 32,5 % избирателей, внесенных в списки для голосования¹³.

Иными словами, опрошенные нами рабочие демонстрируют серьезный уровень недоверия и даже раздражения к существующей власти России.

Михаил (грузчик, Омск): «Недавно я прочел на одном сайте (в интернете), что в России сейчас больше 71 млн работников. Из них 33 миллионов это бюджетники, чиновники. Я одного не могу понять, те, кто производит какие-то товары или услуги, то есть занимается общественно-полезным трудом, должен всю эту армию, Нацгвардию (Росгвардию), все эти ненужные государственные структуры (содержать). Плюс они сейчас создают комитет по противодействию санкциям. Все это ложится на бюджет...»

Надо отметить, что исследование проходило на фоне обсуждения пенсионной реформы. Все респонденты крайне негативно отнеслись к пенсионной реформе в той ее форме, которая была предложена правительством. Поправки президента, несколько смягчившие ее, были ими практически не замечены. Пенсионная реформа не раз фигурировала в оценке власти и политических партий. Многие рабочие постоянно сбивались на эту тему, вне зависимости от обсуждавшихся в данный момент вопросов. Ряд участников исследования принимал участие в митингах против этой реформы.

Роман (46 лет, «Фольксваген», Калуга): «Я честно отработал 25 лет. У меня были хорошие работодатели, они не платили мне зарплату в конверте, выплачивали все отчисления в Пенсионный фонд, а теперь мне говорят: поработай еще пять лет. Все строится в стране за счет нас, рабочих. И тут нас по факту просто обманывают. Это меня угнетает».

На вопрос, кто должен решить эту проблему, Роман говорит: «Народ». Романа поддерживает его 30-летний коллега, сварщик с «Фольксвагена» **Володя**, который, посмеиваясь, говорит: «Спасение утопающих — дело рук самих утопающих».

Характерно, что крайне негативно восприняли пенсионную реформу и молодые участники исследования.

Наиболее типично высказывание того же **Володи**: «Повышение пенсионного возраста — это удар ниже пояса. Это, наверное, худшее из того, что происходило за последнее время, да и вообще при всей моей жизни. Это же не просто повышение пенсионного возраста. Скольким людям придется работу искать? Зарплата расти не будет, будет просто жесть».

В связи с пенсионной реформой рабочие выказывали раздражение и президентом Путиным.

Захар (45 лет, техник, «Фольксваген»): «Нас, рабочих, реально президент предал. Он сколько давал обещания, что не допустит повышения пенсионного возраста? Почему президент не хочет пересмотреть наши зарплаты? Почему кто-то получает 3 миллиона рублей в день? Сколько там Сечин (глава Роснефти. — Авт.) получает? 4,5 миллиона в день? Рабочим сделайте зарплаты от 80 тыс. рублей в месяц!».

Михаил (грузчик, Омск): «Народ выбирает его (Путина). У него есть программа, но я только не могу

¹³ <http://www.cikrf.ru/analog/prezidentskiye-vybory-2018/itogi-golosovaniya/>

понять, за какую программу народ его выбирает? Или она социальная, или капиталистическая?».

Роман (45 лет, «Фольксваген», Калуга) — единственный из опрошенных в обоих городах респондентов рассказал о том, что всегда голосовал на выборах за Путина и «Единую Россию», но после начала пенсионной реформы пережил крайнее разочарование и теперь склоняется к КПРФ. Его также порадовало заявление лидера ЛДПР Владимира Жириновского о готовности объединиться с КПРФ Геннадия Зюганова.

Владислав (28 лет, «Фольксваген», Калуга). Несмотря на то что он никогда не ходил на выборы, в то же время говорит: «Я никогда не был против Путина. Но я до последнего не верил, что он скажет “да” этой людоедской (пенсионной) реформе. Мне, можно сказать, в лицо сказали: ты, маленький, плати до 65 (до нового срока выхода на пенсию). Но мы тебе еще это (пенсионный возраст) поднимем, ничего не заплатим, потому что ты умрешь. И вообще нам не нравится, что ты долго живешь. В итоге у нас получается не социальная страна, как написано в Конституции, а буржуазная».

ОТНОШЕНИЕ К ПОЛИТИЧЕСКИМ ПАРТИЯМ

На вопрос: «Какие, на ваш взгляд, современные российские партии отстаивают интересы рабочих?», большинство респондентов отвечает «никакие» или вспоминает о партиях думской оппозиции («Справедливая Россия», КПРФ, ЛДПР), однако тоже достаточно вяло.

Наиболее характерные ответы на этот вопрос:

Михаил (55 лет, грузчик, Омск): «Интересы рабочих отстаивает КПРФ, других нет. А из личностей еще депутат Госдумы Олег Шеин (“Справедливая Россия”)».

Сергей (35 лет, шлифовальщик, Агрегатный завод, Омск): «Я вообще мало верю политикам, партиям. Я больше верю в людей здесь, на местах, в тех людей, с которыми я работаю, которых я знаю. Здесь на местах среди представителей разных (политических) движений попадаются вполне адекватные люди. Но (их) верхушка обычно — ай-яй-яй».

При этом Сергей в прошлом состоял некоторое время в КПРФ, но потом разочаровался в этой партии, вышел из ее состава и сейчас вспоминает о своем членстве в ней с иронией, занимаясь марксизмом самостоятельно.

Игорь (25 лет, освобожденный сотрудник МПРА, 5 лет работал на кондитерской фабрике, Омск): «До профсоюзной жизни я вообще не верил ни в какие партии, потому что все плохо. Все много говорят, красиво, тот же Путин говорит все правильно... но я не вижу, чтобы это приводило к действию. То есть слова остаются словами. Другие политические партии действуют также. Последнее время я начал симпатизировать Олегу Шеину из “Справедливой России”».

Анна (25 лет, работница кондитерской фабрики, Омск): «Они все много говорят, но процентов 90, что они ничего не будут делать (для нас)».

Захар (техник, «Фольксваген», Калуга). О политиках: «Только [лидер КПРФ Геннадий] Зюганов правильно объяснял про пенсионную реформу, а еще [лидер «Справедливой России» Сергей] Миронов».

Антон (27 лет, завод «Форесия», Калуга): «Все знают, что никакой демократии у нас нет, что все в руках элиты, им дорогу переходить опасно. Власть сама по себе, народ — сам по себе. Надо, чтобы чувство человеческого достоинства у нас в стране признавали реально, не на словах, а на деле».

Сергей («Фольксваген», Калуга): «Партии, которая отстаивала бы интересы рабочих, на сегодня нет. Надо такую партию создавать».

Володя («Фольксваген», Калуга), также уверен, что таких партий нет: «Они все там против нас (рабочих). Там ведь представители бизнеса, бабла. И КПРФ со “Справедливой Россией” тоже. Эти просто на каких-то “движухах” зарабатывают себе политические очки. Замечательно устроились — “Единая Россия” принимает какой-то плохой закон, у них большинство в Думе, давайте мы будем, типа, против. Все равно ведь его примут!». Он цитирует Марка Твена: «Если бы от выборов что-то зависело, нас бы на них не пустили».

Владислав («Фольксваген», Калуга): «Хочется верить, что в правительстве (тут политические партии и правительство слиты в одно целое — А.Ж.) остались неравнодушные, неиспорченные, справедливые люди. Но им пути не дают».

Он же о политике правительства: «Мы устроим чемпионат мира по футболу, потратим на это

бешеное количество денег, а потом скажем: ну вот, ребята, а на пенсии у нас не осталось. Вместо того чтобы сделать прогрессивную шкалу налогов, как во всех цивилизованных и европейских странах, как в той же Германии, у нас и работающий человек, и какая-нибудь бабушка, и олигарх платят 13 % подоходный налог. Вот где деньги надо брать! Почему вы всегда свои проблемы решаете за счет народа?»

Геннадий («Фольксваген», Калуга): «Кто будет защищать (наши интересы среди политических партий)? Артисты да спортсмены (намек на думскую фракцию «Единой России»)? У них своя работа. Ни в одной партии нет рабочего с завода».

Партии и политики, вызывающие относительное доверие

Святослав (Калуга) голосует на выборах «за того, кто всегда занимает третье место (за Владимира Жириновского, лидера ЛДПР. — Авт.). Первое он никогда не займет, так что ничего плохого не натворит, а так — дядька веселый. Но если бы я знал, что он займет первое место, я бы, наверное, подумал (за кого голосовать) по-другому. Тут неважно, за кого голосовать, главное — не за «Единую Россию». Главное против них голосовать».

Геннадий (Калуга) обычно голосует за «Справедливую Россию».

Петр (сварщик, Омск), хоть и не ходит голосовать по принципиальным соображениям, но иногда, когда увидит что-то по телевизору или прочтет что-то в интернете, говорит, что кое-что ему нравится у ЛДПР и у коммунистов. Впрочем, не настолько, чтобы ходить и голосовать за них на выборах: «Из партий кто нравится? У ЛДПР есть некоторые моменты, у коммунистов, да, что-то есть. А так? Единоросы? Там дурдом полный. Помимо пенсионной реформы еще и НДС подняли».

На вопрос о том, какие партии защищают интересы рабочих на примере пенсионной реформы, которая остро волновала всех респондентов в обоих городах, в фокус-группе в Калуге было сказано: «На данный момент только КПРФ за рабочих, да и то, как расценивать (это) — за рабочих ли они, или (это) просто популизм».

Отношение к несистемным левым политикам, партиям и движениям

Михаил (грузчик, Омск): «Удальцова знаю».

Игорь (Омск): «Верю Олегу Шеину, профсоюзам из КТР, потому что знаю их работу в Питере и Калуге, общаюсь здесь с реальными рабочими на реальных предприятиях. А практической работы тех ребят, которые вещают из телевизора или на выборах, я вообще не ощущаю».

Сергей (Омск): «У меня здесь есть хороший товарищ из «Левого фронта». Я его иногда за это троллю, но если у него такие взгляды, ладно. Он тоже близок к профсоюзной деятельности».

По соцсетям (во «ВКонтакте») Сергей также знает РКСМ и «Рабочую платформу». «Это понятно», — говорит он по поводу последней, добавляя, что «все эти ребята, вместо того чтобы заниматься конкретным делом, только ругаются между собой и выясняют кто из них прав. Из анархистов у нас тут ходит мальчик — панк и девочка с красными волосами (смеется)».

В целом надо констатировать, что за редким исключением о несистемных левых партиях, организациях и лидерах рабочие знают хуже, чем о федеральных системных партиях и политиках.

Примечательно, что и массовые протесты в Москве 2011–2012 годов прошли мимо внимания большинства респондентов. Многие из участников исследования даже не слышали о них, а если что-то слышали или читали, то очень поверхностно и плохо помнят, о чем на этих митингах шла речь и почему они начались.

Объясняется это тем, что несистемные партии и политики занимаются главным образом собственными вопросами (организационными, теоретическими) и мало контактируют с реальными рабочими на местах, не интересуются их жизнью и проблемами, а также отсутствием эффективных каналов коммуникации — сильных медийных ресурсов и инструментов у левых сил.

Володя («Фольксваген», Калуга) говорит о несистемных левых: «Почитаешь их листовки (речь шла о листовках Российского социалистического действия (РСД). — Авт.) и думаешь: господи, кому вы их пишете! Я эти тусовки не особо люблю. Они любят меряться, кто из них больше коммунист, кто меньше. Сленг их непонятный. Давно надо что-то более современное. Нужны не (новые) партии, а всю систему менять надо».

Отношение к внутривнутриполитической и социально-экономической ситуации в стране приводит некоторых респондентов к далеко идущим выводам.

Роман («Фольксваген», Калуга) говорит, что «последнее время мне просто стыдно за свой народ».

Володя возражает ему следующим образом: «Для того чтобы не было стыдно за свой народ, просто не идентифицируй себя с ним. Потому что Россия, народ, нация – это все иллюзии, вбитые нам в голову. Есть просто земля и люди (которые на ней) живут. Какие-то люди до нас жили, придумали границы: “вот Россия, вот Украина, вот Америка”. [На самом деле] мы все люди. Если будешь смотреть с этой позиции, все станет на свои места. Для меня, например, не существует никаких Олимпийских сборных, мой мир – это те, кого я знаю. Когда говорят “наши в футбол играют”, для меня “наши” – это мои соседи, коллеги, семья, продавцы в магазине. А что там происходит в Сирии, в Донбассе – мне неинтересно».

Фактически это образец стихийного прихода рабочего к анархической позиции, возникшей, как реакция разочарования не только в политической и экономической системе, но и в государстве, в стране, и даже в народе. Интересно, что эта позиция не вызвала отторжения товарищей Володи.

СОЦИАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ И ФУНКЦИИ ГОСУДАРСТВА

Вопрос об основных социальных проблемах, которые больше всего волнуют рабочих (зарплаты, пенсии, отпуск, жилье), и о том, кто может или должен решать эти проблемы, был призван выяснить степень социального патернализма респондентов.

Практически во всех группах в обоих городах ответы на него были однозначны. По мнению респондентов, эти проблемы должно решать государство. Наиболее характерные высказывания на эту тему:

Игорь (Омск): «Безусловно, эти вопросы должно решать государство. Если рабочие нанимают себе слуг народа. Сами они, когда всем этим будут заниматься, если они работают по 6 – 7 дней в неделю? У них просто нет времени заниматься своим благоустройством. (При этом) столько органов, которые должны решать все эти проблемы. Все они должны работать... А у рабочих нет ни времени, ни денег, чтобы нанять хороших юристов».

Сергей (Омск): «Государство должно управляться народом, должны быть местные советы, референдумы, смена системы, диктатура пролетариата».

Михаил (Омск): «Должно быть правовое государство». Но «государство – это не только народ, но и госслужащие. В какой вектор их направило государство? В пользу народа или в пользу олигархов?»

В целом надо отметить, что общим мнением на всех обсуждениях было то, что основные социальные проблемы граждан должна решать верховная власть. Даже, когда высказывалось мнение, что их должен решать «народ», при более детальном обсуждении выяснялось, что под этим имеется в виду лишь более высокая электоральная активность избирателей.

Все это демонстрирует достаточно высокий уровень патерналистских настроений у рабочих и их низкую политическую и социальную активность.

ОТНОШЕНИЕ К ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ РФ, УЧАСТИЮ В ВОЕННЫХ КОНФЛИКТАХ НА УКРАИНЕ И В СИРИИ

Вопрос об отношении рабочих к нынешнему внешнеполитическому курсу России ставился следующим образом: «Россия сейчас и в Сирии, и в Украине. Поддерживаете вы внешнеполитический курс страны?»

Ответы.

Володя (рабочий, «Фольксваген», Калуга): «Нас, простых людей, этот внешнеполитический курс практически никак не касается. Все это делается в интересах тех, кто там [наверху] сидит. Их касается, а нас нет. Получим мы с этого какие-то дивиденды – вряд ли. Если там у них чего-то не сравнится, то может быть хуже. Для меня, что наши власти – Путин и [наша] элита, или американские, французские, украинские ничем друг от друга не отличаются. Они сидят там наверху и разруливают свои интересы, а на наших интересах они наживаются».

Федор («Фольксваген»): «Он [Володя] правильно сказал».

Роман («Фольксваген»): «Показывать и проявлять себя стране нашей надо, и защищаться надо, и репутацию свою поддерживать надо. Но я соглашусь [с Володей]: мне-то что с этого? Ничего».

Володя: «Я скажу, что нам с этого. Эта информационная шумиха нужна для того, чтобы мы поменьше полезного могли для себя найти среди того потока дерьмеца, который выливается из телевизора. Чтобы мы за этим потоком [информации] про Украину, Сирию, Скрипалей не могли увидеть то, что нам действительно надо – повышение пенсионного возраста, НДС, еще какую-то задницу».

Роман: «Что я еще заметил, что политические деятели в этой мышиной возне превратились по своему уровню чуть ли не в базарных бабок, такой недипломатический непрофессионализм, что просто кошмар...»

Володя: ««Одну Захарову (представитель МИД РФ Мария Захарова. – Авт.) послушать... (смеется)».

Роман: «Противно на все это смотреть. И на бряцание оружием тоже. Боюсь, что из-за такого сквернословия как бы кто-нибудь чего не натворил. Мне будет очень горько смотреть, если пострадают наши русские люди. Зачем это?»

Володя: «Там, наверху ценности совсем другие. Это нам они эти ценности вроде патриотизма прививают. А там нет патриотов. Религия... Там никто в бога не верит. У них власть, деньги, информация. Это нам они эту туфту впаривают, а там [наверху] сидят свободные от этого люди».

Антон (27 лет рабочий завода «Форесия», Калуга): «Что у нас сейчас происходит – идет откат в социальном плане. [С другой стороны] милитаристская бравада, игра в “осажденную крепость”, против которой весь остальной мир. У наших корпораций какие-то интересы на Ближнем Востоке, теперь еще и в Африке появились какие-то странные интересы. Борьба идет не с терроризмом, а за переделы сфер влияния. В Украине они [российские власти] так некрасиво воспользовались слабостью этой страны в отношении Крыма, поддерживают очаг напряженности на Донбассе. Есть, конечно, [на Украине] и факты правого террора. Вообще мне кажется, что это [война Украины и России] похожа на борьбу жабы с гадюкой. Но, с другой стороны, роль во всем [что там происходит] российского режима велика».

Важным наблюдением этой части дискуссии было то, что рабочие открыто высказывали свое отношение к внешней политике России, но проявляли осторожность в суждениях по этой теме. Многие из них, в том числе те, кто имеет высшее или незаконченное высшее образование, и даже единственный из 23 респондентов политический активист, говоря о внешней политике, подчеркивали недостаток информации по этому вопросу.

«Нам много недоговаривают», — говорили многие из них.

Выводы

Как показала эта часть исследования, рабочие считают, что политическая и социальная системы современной России игнорируют их и действуют не в их интересах, что отражается в российском информационном поле. Рабочие, в свою очередь, не слишком доверяют основному источнику официальной информации — телевидению и придают неожиданно большое значение интернету как источнику новостей. Мы также отметили высокий уровень раздражения, накопившийся в отношении федеральной власти и «Единой России», который, возможно, особенно ярко проявился на фоне пенсионной реформы. При этом рабочие придерживаются патерналистских взглядов на роль государства в решении социальных проблем и ожидают от президента и федеральной власти повышения зарплат, создания рабочих мест, справедливого распределения доходов.

Некоторые из рабочих голосуют за КПРФ, «Справедливую Россию» или ЛДПР, хотя понимают, что эти партии — часть существующей системы и в большей степени поддерживают их интересы на уровне риторики, чем реальным делом, и серьезной оппозицией партии власти не являются.

Несистемные левые движения рабочим знакомы гораздо хуже, они плохо информированы об их деятельности. Многие считают, что эти движения сфокусированы исключительно на своей повестке, а не на интересах трудовых людей, а часть из них слишком субкультурна.

Некоторые рабочие хотели бы больше узнать о неформальных левых движениях, хотя в целом мало верят в партийную политику.

Отношение рабочих к участию России в конфликтах на Украине и Сирии в целом очень сдержанное, а то и резко отрицательное. Многие из них считают, что такие внешнеполитические действия руководство страны предпринимает не в их интересах и эти действия могут им навредить. Рабочие отнюдь не являются объектом государственной пропаганды в этом вопросе, наоборот, понимают, что надо критически оценивать поступающую информацию и стараться ее перепроверять. Они также скептически относятся к пропаганде великодержавного патриотизма, воспринимая их как своеобразный «опиум для народа», призванный отвлечь трудящихся от реальных проблем.

V. СИСТЕМА МИРОВОЗЗРЕНИЯ

ОТНОШЕНИЕ К МИГРАЦИИ

Вопрос об отношении к мигрантам был призван выяснить соотношение идей интернационализма и национализма в рабочей среде. Социологические опросы показывают, что ксенофобские настроения в целом в России весьма сильны. Причем до 2014 года они в значительной мере были результатом информационной политики государства, что давало соответствующий результат.

Так, согласно опросу Левада-центра, проведенному в ноябре 2013 года¹⁴, 66 % россиян в той или иной мере поддерживали лозунг «Россия — для русских». Последний опрос Левада-центра на эту тему, проведенный в июле 2018 года¹⁵, показал некоторое снижение числа тех, кто поддерживает этот лозунг. Это во многом стало результатом изменения информационной повестки власти, связанной, в свою очередь, со стремлением Кремля после 2014 года консолидировать российское общество вокруг себя. В силу этого уровень антимигрантской риторики на федеральных каналах сильно понизился, что, на наш взгляд, в значительной мере и повлияло на снижение накала соответствующих настроений в российском обществе. Однако и сегодня число тех, кто поддерживает лозунг «Россия — для русских» все еще превышает половину опрошенных — 52 %.

В то же время, согласно исследованию Левада-центра, проведенному в июле 2018 года, негативно к мигрантам в России относятся 67 % опрошенных (те, кто предлагает ограничить приток мигрантов в страну)¹⁶. Очевидно, что национализм и ксенофобия общества сегодня выражаются именно в антимигрантских настроениях.

Омск

В одной из фокус-групп отношение к мигрантам было в целом положительное.

Михаил (55 лет, грузчик): «Я положительно к ним отношусь, сразу говорю. Потому что это наши бывшие братья. У нас беды с ними одинаковые. Что нам серую зарплату платят — что им. А то бывает, что им вообще не платят».

Сергей (шлифовщик): «Это такие же рабочие [как мы]. Они не от хорошей жизни сюда приехали. Если их здесь нанимают, это не оттого, что они плохие, а оттого, что это кому-то выгодно. У меня есть знакомые [мигранты] из Узбекистана — вполне адекватные ребята».

Игорь (25 лет, 5 лет работал на омской кондитерской фабрике «Сладонез»): «Я отношусь к мигрантам положительно, считаю их достойными членами общества. Единственная проблема, которая с ними возникает, это проблема с их государством, которое не может их обеспечить и обеспечить им рабочие места. Соответственно возникает конкуренция за рабочие места, они согласны здесь работать за более низкую зарплату. Но это из-за [политики] государств». «Их кидают [с зарплатой]. За них бы реально вступить, потому что у них там непаханое поле [проблем]. Их права нарушают еще больше, чем наши. Права мигрантов нарушаются колоссально, про «белую» зарплату им вообще не реально [сказать]».

Михаил: «Капитализм».

Игорь: «Да, капитализм».

Анна (25 лет, работница кондитерской фабрики «Сладонез»): «Я тоже не против [мигрантов]». Согласно с *Михаилом*: «Бывает, что им вообще не платят».

Вторая фокус-группа в Омске, оказалась полной противоположностью первой:

Татьяна: «Если не всю нашу страну заполонят китайцы, то в малых дозах, допустим 1 % от [всего] населения мигранты могут быть. Но никак не весь Китай. Если [их] небольшое количество, то они тоже пользу приносят, также работают, также для нас что-то создают».

¹⁴ http://www.ng.ru/scenario/2013-11-26/13_interview.html

¹⁵ <https://www.levada.ru/2018/08/27/monitoring-ksenofobskih-nastroenij/>

¹⁶ <https://www.levada.ru/2018/08/27/monitoring-ksenofobskih-nastroenij/>

Вадим (20 лет, временно безработный): «Я ко всем национальностям нормально отношусь, но я против, чтобы они сюда приезжали. Единственно, я вьетнамцев люблю, они трудолюбивые». «Они [мигранты] душат здесь нас».

Антонина, 36 лет: «Конечно, я против [мигрантов]».

Калуга

Святослав (водитель погрузчика, «Фольксваген»): «Я склоняюсь к тому, что рабочие места надо создавать сначала для своих, а потом рабочие места для приезжих. В рабочем плане я рассматриваю [мигрантов] как конкурентов, а по-человечески у меня к ним никаких претензий нет. С другой стороны, как пристроить своих, если в дворники никто [из своих] не пойдет?».

Геннадий (электросварщик, «Фольксваген»): «Если это хороший специалист сюда приехал, то пусть работает. А гастарбайтеры плохо говорят по-русски, это просто дешевая рабочая сила».

Владислав (водитель погрузчика, «Фольксваген»): «Мы сталкиваемся с тем, что они забирают наши рабочие места. Так это вопрос не к ним, а к государству: сделайте нам эти рабочие места! Почему вы не строите заводы, предприятия? Почему у нас в Калуге умудрились разорить даже ликеро-водочный завод, один из самых лучших? Это в России, самой пьющей стране!»

Захар (техник, «Фольксваген»): «Они мне не нравятся. На некоторых рабочих местах [в Калуге] не хотят видеть калужан, а хотят видеть гастарбайтеров. Отовсюду [в бывших республиках СССР] наших русских выгоняли, а теперь они едут сюда, занимают наши рабочие места. За счет этих гастарбайтеров у нас снижаются зарплаты».

Владислав: «А как мы раньше жили в нашей стране?»

Захар: «Этой страны давно нет».

Владислав: «Но люди-то оттуда, раньше он был советский человек и никакого разделения не было, а теперь он гастарбайтер».

Володя: «Я нормально отношусь к мигрантам. Все люди. У меня обычно нет националистических идей. Я больше смотрю с той позиции, что если хорошие люди, если человек приехал, не хулиганит, нормально работает, то я к нему с уважением отношусь. Я скорее даже к русским буду относиться более требовательно... Идешь порой, видишь палатка с шаурмой – вкуснятина! Делали бы наши, так какую-нибудь кошатину туда засунули... От своих подвоха больше ждешь, чем от этих ребят [мигрантов]. Конкуренция [с их стороны]? Может быть, но я на себе этого не ощущаю».

Федор: Согласен. Если человек хочет заработать – почему бы и нет? С другой стороны, почему их города не развиты, не предоставляют им работу, нормальные условия жизни? Я тоже могу туда поехать. Как они посмотрят на это?»

Антон: «Я нормально отношусь к мигрантам как к возможным товарищам по классу, но нужно работать с ними, чтобы они не играли роль штрейкбрехеров, соглашаясь работать за более низкую зарплату».

Всего в обсуждении темы мигрантов приняли участие 20 респондентов (большинству тех, с кем делались отдельные интервью (3 из 5), вопросы о миграции не задавались). 11 человек из 20 заявили, что хорошо относятся к мигрантам, либо, что мигранты им не мешают («работают и работают себе»). Соответственно, антимигрантскую позицию занимают 10 человек (45 %) из принявших участие в дискуссиях на эту тему. Причем 6 человек из этих 10 работают в Омске, где соотношение мигрантофобов и интернационалистов соответственно 6 к 4. В Калуге же, где в фокус-группах и интервью принимали участие в основном работники современных иностранных предприятий, оно 3 к 7. То есть на 3 мигрантофобов здесь приходится 7 интернационалистов.

Преобладание мигрантофобов над интернационалистами в Омске и, наоборот, преобладание интернационалистов в Калуге, возможно, не случайное совпадение. Как было отмечено ранее, это города с разными типами промышленности и во многом из-за этого – разным взглядами рабочих. Омск – тип города с преобладающей старой советской, прежде всего оборонной и пищевой промышленностью; Калуга – город с мощным кластером современной промышленности мирового уровня.

На старых советских предприятиях в Омске достаточно много людей, работающих там еще с советских времен, больше подверженных идеям великодержавности и ксенофобным настроениям. Особенностью новых предприятий мирового уровня в Калуге является то, что туда изначально набирали молодой персонал, который затем проходил или обучение, или переобучение на соответствующем предприятии, и они склонны к более современному восприятию людей и современной экономики.

Однако в целом в обоих городах, как мы видим, уровень мигрантофобии среди опрошенных нами рабочих ниже (45 %), чем в среднем по стране (67 %). На наш взгляд, это происходит потому, что рабочие ближе и чаще сталкиваются с рабочими-мигрантами, а потому имеют больше личных контактов, всегда разбивающих стереотипы. Можно расценивать это и как еще одно свидетельство меньшего давления на взгляды рабочих господствующего в современной России информационного поля.

ОТНОШЕНИЕ К РЕЛИГИИ

Вопрос об отношении к религии был включен в общий список вопросов как на фокус-группах, так и в интервью в связи с тем, что отношение к религии является важным маркером мировоззрения и идеологической ориентации. Клерикализм и пропаганда традиционных ценностей – отличительная черта современной официальной российской пропаганды, и было интересно сравнить, насколько взгляды опрашиваемых рабочих соответствуют этому тренду.

В ходе исследования выяснилось, что из 23 респондентов в обоих городах к верующим отнесли себя 12 человек, 11 человек отнесли себя к атеистам или агностикам. Из части верующих респондентов некоторые верят в бога «вообще». Большинство верующих рабочих посещает богослужения по мере возможности или от случая к случаю. Двое позиционируют себя как глубоко верующих православных.

Святослав (Калуга) говорит, что он агностик. По его словам, «лучше добродетельный неверующий, чем человек, который воровал и убивал, а потом перекрестился и считает себя верующим».

Антон (Калуга) утверждает, что он атеист, но у них в бригаде представители разных религий: «и православные, и католики, и атеисты и все прекрасно уживаются».

Существенным моментом является раздражение, которое вызывает роскошь иерархов Русской православной церкви. В том числе это раздражение проявляется и среди некоторых верующих рабочих. Один из них, работник калужского «Фольксвагена» говорит: «Я думаю, никто не должен платить за религию. Почему патриарх Сербский ходит на работу пешком, а наши ездят на работу на “Мерседесе?”»

Анна (работница кондитерской фабрики, Омск, православная верующая): «Когда этот “крестный отец” выходит из самолета и перед ним ковровая дорожка, [сам] весь в золоте, это вообще... (смеется)». Характерно, что фокус-группа Анны поровну разделилась на верующих и неверующих, но этот ее тезис дружно поддержали как атеисты, так и верующие.

Петр (рабочий-сварщик, Омск) говорит, что верит в бога, «но свечку можно поставить и не в церкви, а у себя дома перед иконой. РПЦ – это минимум уважения [к прихожанам], максимум коммерции. Мне не нравятся пузатые попы с огромными крестами и “Лексусами”. Надо быть скромнее».

В то же время все опрошенные респонденты, в том числе и определившие себя как глубоко верующих, выступили против обязательного преподавания религии в школе и вообще против ее активной пропаганды.

По словам *Захара* (Калуга), при советской власти «коммунисты пришли и много дров наломали, брат на брата. А православие учит любви к ближнему. Я верующий, верующие знают, что нас всех создал господь. Но я считаю, что веру навязывать не надо. Каждый человек сам к ней в свое время приходит».

Геннадий (Калуга): «Мое мнение: вбивать детям в голову, что надо идти молиться какому-то богу – мне кажется, это вред. Он должен сам вырасти и осознать, в какого бога он будет верить, или вообще не будет верить ни в какого бога. Если у нас свободная страна, зачем человеку что-то навязывать? Я сам наполовину атеист».

Рабочие, с которыми мы общались, вне зависимости от того, верят ли они в бога, хотят видеть государство светским, а РПЦ более скромной в своих мирских запросах и менее политизированной.

ОТНОШЕНИЕ К СОВЕТСКОМУ ПРОШЛОМУ

В целом можно говорить, что у большинства респондентов имеется несколько идеализированное представление о советской системе. Отчасти это объясняется относительно молодым возрастом большинства участников исследования. Большинство из них просто не помнит те времена, поскольку были тогда детьми, а некоторые даже еще не родились. В связи с этим представление о советском они получают главным образом от родных и близких. Для последних же советский период уже сродни мифу о «золотом веке» — хорошее помнится, плохое забыто.

Нужно также понимать, что представление старшего поколения экс-советских людей о тогдашней социально-экономической системе соответствовало тому, что она представляла собой в относительно благополучные 60–80 годы XX века. Сталинский ГУЛАГ и работа за трудовыми в колхозах для этого поколения либо на периферии сознания, либо вообще вытеснены современной информационно-пропагандистской политикой СМИ, которая делает акцент на успехах СССР в освоении космоса, спортивных и военных победах, но мало рассказывает о реальной жизни советского общества того времени.

Таким образом, представления опрошенных нами рабочих о советском этапе — это некий коктейль из, с одной стороны, обрывков личных позитивных воспоминаний старшего поколения, которые рассказывают детям о бесплатной медицине и образовании в СССР, о большей защищенности и уважении к рабочим, престиже рабочей профессии, а также о том, что у всех детей были перспективы для жизненного роста, а с другой — из картин блестящих побед государства, которые создаются современными российскими СМИ.

Характерны в этой связи высказывания о советском времени 55-летнего омского рабочего-грузчика *Михаила*, который как раз представляет старшее поколение рабочих: «У нас в советское время не было трудовой инспекции, потому что трудовые законы не нарушались. Потому что [начальники] боялись, что тебя накажут по партийной или профсоюзной линии. Было много контролирующих [инстанций]. Работник был защищен».

Игорь (25 лет, Омск): «Положение рабочих в советские годы было намного лучше даже в плане социальных гарантий. Тебе дают какое-то жилье на работе, а если отработал на предприятии несколько лет, то это жилье переходит тебе. Это и родители, и товарищи по работе рассказывают».

Сергей (35 лет, Омск): «Мой наставник мне рассказывал, что, когда он еще учился [в советские годы], он объездил всю страну и все ближнее зарубежье (бывшие республики СССР. — прим. авт.). А когда женился на девушке из соседнего цеха, им дали квартиру. Родились дети — дали расширение [квартиры]».

На вопрос, когда, по его мнению, рабочие имели больше возможности отстаивать свои права — в советские годы или сейчас, *Сергей* сказал, что, наверное, в советские годы, «поскольку на свою зарплату ты мог позволить себе больше, люди не задумывались об отстаивании своих прав». В то же время, по его мнению, старая привычка к тому, что «за меня все сделают, возможно, сегодня и тормозит развитие рабочего движения».

Игорь, к тому, что сказал Семен: «Требовать люди разучились».

Антон (Калуга): «В СССР люди работали [рабочими] династиями на предприятиях. А сегодня ты приходишь на предприятие, работаешь там, вкладываешься, может быть, даже предлагаешь какие-то рационализаторские идеи, а завтра там сокращение, и тебя выкидывают. Отношение к рабочим как к материалу для получения прибыли».

ОТНОШЕНИЕ К ГЕНДЕРНЫМ ВОПРОСАМ

Взгляды рабочих на отношения полов, место женщины в жизни семьи, общества и государства в целом достаточно демократичны. Практически все мужчины согласились с тем, что женщина имеет право реализовать себя в любой сфере и они не стали бы препятствовать женам, если бы те решили реализовать себя в общественной жизни, карьере или политике.

При этом к женщинам-политикам в Госдуме скорее относятся скептически («эти артистки и спортсменки»), так как воспринимают их скорее как назначенных властью, а не женщин-политиков от народа. Как положительный пример участия женщин в политике респонденты называли канцлера ФРГ Ангелу Меркель и президента Хорватии Колинду Грабар-Китарович.

Выводы

По результатам исследования можно утверждать, что рабочие по уровню доходов, образования и образа жизни ощущают себя и являются частью среднего класса, однако частью весьма специфической и обособленной. Специфика эта состоит в том, что хотя они ничем не отличаются от офисных сотрудников по вышеперечисленным показателям, но в системе иерархии, как на своем предприятии, так и в целом в обществе занимают одно из самых низких мест. Это положение воспринимается ими как социальная несправедливость и, в числе других причин, ведет как к сознательному, так и к неосознанному обособлению рабочих в российском обществе.

Исследование также показало, что российские рабочие не являются опорой центральной власти. Абсолютное большинство респондентов испытывает к внутренней, а частично и внешней, политике России сильное недоверие. Многие сознательно игнорирует выборы. Наибольшее раздражение рабочие испытывают к правящей партии «Единая Россия» (опрос проходил на фоне обсуждений пенсионной реформы). Однако и к думским оппозиционным партиям многие также относятся со скепсисом и осторожностью.

Несистемные левые партии, организации и лидеры мало известны рабочим и не вызывают у них особенного интереса в силу сфокусированности членов этих организаций на собственной повестке, а не на защите интересов рабочих. Многие в целом разочарованы в партийной политике. В силу этого лишь небольшая часть рабочих считает, что существует необходимость в создании партии или организации, которая отражала бы их интересы. Многие из них полагают, что партий в стране и так достаточно, однако пользы от них немного.

Взгляды рабочих на ряд социальных, политических и культурных вопросов в большинстве случаев можно охарактеризовать скорее как леводемократические, нежели консервативные и охранительные. И в этом смысле они даже ближе к классическим левым, чем значительная часть современных левых партий и движений России, проанализированных в первой части доклада.

Вместе с тем налицо ситуация «брошенности» рабочих. Идеология и политика власти их в значительной степени не устраивает и достаточно мало волнует, но и среди оппозиции, как парламентской, так и несистемной, нет партий или движений, которые выражали бы их интересы. При этом, несмотря на осторожность, с которой рабочие оценивают все существующие партии и движения, они открыты для тех, кто готов услышать их и помогать в решении насущных проблем.

VI. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Объединение в одном докладе исследования левых и рабочих с точки зрения формальной логики выглядит вполне естественно, учитывая традиционное представление о близости левых и рабочих. Однако в результате получилось, по сути дела, два доклада в одном.

Это во многом объясняется тем, что, как показало данное исследование, представители левых организаций и российские рабочие, живя в одной стране, в значительной степени существуют в параллельных, мало пересекающихся между собой реальностях. Левые в современной России существуют сами по себе, даже тогда, когда пытаются заниматься проблемами рабочих, а рабочие — сами по себе.

Представленное исследование не может претендовать на репрезентативность в силу его небольшого масштаба. В связи с этим исследователи современных рабочих и их взаимодействия с левым движением России с полным правом могут сказать себе, что мы лишь в начале пути. Однако на сегодняшний день очевидно, что растущая актуальность левой повестки в стране пока не трансформируется в ощутимую поддержку существующих левых сил. Системные партии не пользуются большим доверием среди рабочих и воспринимаются как часть существующей политической бюрократии, к которой накопилось много претензий. Несистемные силы слишком раздроблены, разобщены, субкультурны, подвержены давлению со стороны органов власти, испытывают кризис лидерства и страдают от отсутствия внутренних источников финансирования. Их аудитория в основном — городская молодежь, на нее они делают ставку. В связи с этим они пока не способны сформулировать повестку, привлекательную для своих наиболее очевидных потенциальных последователей — рабочих и других людей наемного труда. По нашим наблюдениям, у них пока и нет настолько серьезных амбиций и веры в свои возможности. Парадоксально, но из наших интервью следует, что рабочие в большей степени сохраняют классически левое мировоззрение, меньше заражены ксенофобией и великодержавным национализмом, чем ведущие левые партии и движения страны.

Поэтому в ближайшее время ожидать серьезного левого поворота в России не следует. Скорее растущее, но не аккумулированное недовольство создает благодатную почву для популизма, играющего на социальной повестке.

